

тысячи искръ. Потому берегитесь, не раздражайте меня своими нареканіями, ибо ты узнаешь, что въ этомъ искусствѣ я сильнѣе, чѣмъ ты полагаешь. Ты вымылъ мнѣ голову холодной водой, я обрилъ тебя, какъ и слѣдовало, зазубреннымъ ножомъ; что не додѣлано, сдѣлается, если ты не оставишь меня въ покоѣ. Упаси тебя Боже!

II.

Посланіе Боккаччо къ Нелли, мѣтящее въ сущности на Аччяйюли, полно личныхъ счетовъ и несдержанности, но въ немъ есть принципиальныя стороны, и въ этомъ отношеніи оно драгоценно. Оно выясняетъ намъ еще разъ, что волновало друзей Петрарки и его самого, когда они задумывались надъ его зависимымъ положеніемъ при дворѣ Висконти ¹⁾. Мы уже знаемъ, что гуманизмъ, поднявъ значеніе литературы, какъ профессіи, и вмѣстѣ ощутивъ ея общественную силу, поставилъ наново вопросъ объ отношеніяхъ литературной кліенты къ меценатству. Петрарка уживался въ нихъ, успокоивая себя и другихъ софизмами; Нелли, какъ бывало Заноби, служили своимъ перомъ, не считаясь съ своимъ самолюбіемъ; иные жаловались; одинъ Боккаччо пытался ужиться и кончилъ бѣгствомъ изъ неволи и страстнымъ протестомъ. Если вспомнить, что частныя письма такихъ людей, какъ онъ и Петрарка, ходили по рукамъ, его посланіе получаетъ характеръ общественнаго памфлета. Литераторъ не только поднималъ голову, но и грозилъ. И вмѣстѣ съ тѣмъ Боккаччо глубоко скорбѣлъ; не столько о золотыхъ снахъ, которые отлетѣли, не осуществившись, сколько о своемъ безразудствѣ, о томъ, что онъ самъ назвался на униженіе. И не однажды: ему вспоминается его первая неаполитанская поѣздка, кончившаяся такой же неудачей, старыя полузабытыя отношенія; все это объединилось въ его фантазіи, одѣлось въ аллегорическій покровъ и отложилось

1) Сл. выше стр. 144 слѣд., 173 слѣд., 184 слѣд.

въ его VIII элогѣ. Мидасъ, когда то бѣдный, потомъ разбогатѣвшій пастухъ — это Аччяйоли; Луписка тоже пастушка, но разумѣется Катерина Валуа, вліяніемъ которой Аччяйоли былъ обязанъ своимъ возвышеніемъ; онъ устроилъ союзъ Мелалки (Джованны) съ Аметомъ (Людвигомъ Тарентскимъ). Аргусъ, по прежнему, король Робертъ, Алексисъ — Андрей; Коридонъ, какъ и въ письмѣ къ Нелли, Заноби, покинувшій Неаполь съ 1359-го года.

Фитія — Боккаччю пришелъ съ своимъ стадомъ въ чужія поля (Неаполь); Знаешь-ли, гдѣ ты? спрашиваетъ его Дамонъ, коли увидить тебя Мидасъ или Луписка, неизвѣстно, кто у кого отобьетъ добычу. — Зачѣмъ позоришь ты именитыхъ пастырей? Въ былое время, когда бѣдность заставляла Мидаса пасти хозяйское стадо, Луписку прясть, твое опасеніе, быть можетъ, было бы умѣстно; теперь у нихъ свои стада; я же пришелъ не врагомъ, а по желанію Мидаса, онъ сулилъ мнѣ, коли вѣрить его слову¹⁾, и пастбище, и водопой, и свѣжія сѣни. — Лучше отгони свое стадо, иначе настанутъ нежеланные дни, обѣщанія разлетятся по вѣтру. Да неужели думаешь ты, неразумный, что они разбогатѣли праведно? Будто не знаешь, что можно приобрести праведнымъ трудомъ! — Несчастный я, обманули меня! Снова придется мнѣ гнать назадъ бѣдное стадо, въ жару, по скаламъ, не вѣдая, гдѣ его успокоить. Клянусь тебѣ Паномъ, ничто иное не побудило меня покинуть родныя поля Аркадіи (Флоренціи), какъ довѣріе²⁾ къ Мидасу и Лупискѣ и обманчивыя надежды, манившія меня къ Везувію и зеленымъ берегамъ Гавра. Но скажи мнѣ: по какому праву грабятъ и наживаются Мидасъ и Луписка? — Въ отвѣтъ на это Дамонъ рассказываетъ о любовной связи Аччяйоли съ Катериной Валуа: нимфа, краса лѣсовъ, пребывала на еврейскихъ поляхъ, недавно овдовѣвъ; къ ней-то воспылаъ Мидасъ, носившій въ городъ творогъ и кожи на продажу; и судьба улыб-

1) Si qua fides.

2) Fides.

нулась ему: однажды, когда онъ возвращался домой съ деньгами, овладѣлъ красавицей, побѣжденной подаркомъ. Она, уже увлеченная имъ, разогнала его заботы, подняла духъ; когда умеръ Аргусъ и злою судьбою сраженъ былъ Алексисъ, онъ искусно вмѣшался въ дѣла пастырей, сѣя раздоры ¹⁾, когда же пагубная вражда ополчила другъ на друга братьевъ, жадно и коварно сталъ захватывать стада, а дабы у него не было недостатка въ убѣжищѣ, соединилъ Мелалку съ Аметомъ. Ихъ онъ извлекъ изъ волнъ на родныя поля, побудилъ увѣнчать себя лавромъ, далъ въ руки дубовый жезлъ (намекъ на вѣнчаніе Джьованны и Людовика) и самъ пріобщился къ высшимъ почестямъ — а до тѣхъ поръ его едва знали на берегахъ тихаго Арно. — Счастливъ онъ своей долей, восклицаетъ Фитія, кто пожелаетъ большаго? Изъ слуги онъ сталъ хозяиномъ, товаръ обратилъ въ золото. — Но ты ничего не понимаешь, Фитія, видно, что служитель музъ ²⁾, только и зналъ, что приносить жертвы фавнамъ и нимфамъ, коли зовешь счастливымъ стяжателя и грабителя стадъ. — Да, я это утверждаю, ибо никому не достигнуть высшихъ почестей, кому не судилъ ихъ правосудный Юпитеръ. — Да ты не Фитія, лѣса сдѣлали тебя Ликургомъ! — Нѣтъ я Фитія, пастухъ изъ Аркадіи, умѣю играть на цѣвницѣ, не знаю ни людскихъ нравовъ, ни священныхъ постановленій Ликурга. Тебѣ Аполлонъ далъ кивару, Помона послала свои дары, а ты смѣешься надъ бѣднякомъ, презираешь человѣка, свергнутаго съ высоты. Помни, обстоятельства мѣняются, пѣлъ старикъ Амивта, мои-же слезы прекратятъ лишь смерть. — Фитія хочетъ удалиться; Дамонъ его удерживаетъ; не быть тому, чтобы Дамонъ презрѣлъ друга, говорить онъ и начинаетъ характеризовать Мидаса-Аччьяйоли: его особенность — двуличность, умѣнье показывать, что онъ не желаетъ того, чего именно хочетъ; когда онъ былъ еще слугой, бывало, скрытый въ травѣ, связывалъ хвостами овецъ,

1) *Dirceaue semina.*

2) *Napaeas.*

терзалъ молодыхъ козлятъ; окрѣпнувъ, точно быкъ, сталъ валить деревья, оглашая ревомъ лѣса, набрасываясь съ львиной яростью на коровъ, наводя страхъ на медвѣдей. У Бавія онъ хитростью увелъ козловъ, коровъ и быковъ изъ закуты; а сколько фавновъ и нимфъ онъ въ былое время обманулъ, сколько сатировъ свелъ съ дороги, увлекши ихъ лживою пѣсней! Онъ страстно желаетъ прослѣть меценатомъ, великимъ богомъ, и заключивъ камень въ утесѣ ¹⁾, мнѣть, что онъ аскрейскій старецъ, что въ его власти и касталійскія рощи, и плектръ Аполлона, и священныя музы. Кто перечислитъ его безумныя начинанія, хищенія, гибель юношей? Жестокая Луписка съ нимъ за одно: она похищаетъ кормъ у скота, отнимаетъ сосуцевъ у матокъ, трижды въ день доить и трижды стрижетъ; ночью бродитъ, совершая чары, и похищаетъ мальчиковъ на любовную утѣху. — Фитія въ ужасѣ: и такъ Мидасъ развратникъ, поспѣшникъ преступленій; Луписка, старая, скупая блудница, когда-то собиравшая зелья и жолуди, тревожитъ небо своими чарами! Что-же Мелалька и Аметъ? — Такъ попустили боги, это ихъ гнѣвъ за неотомщенную смерть бѣднаго Алексиса. — Я трепещу, что дѣлать мнѣ? Эти поля прокляты богами, мое стадо точно уменьшилось — это поля даютъ знать, что онѣ принадлежать Лупискѣ. Но я-то что сдѣлалъ? Сознаюсь, я не желалъ обратить терніе въ лавры, возвеличить пѣсню Олимпъ выродившихся пастырей, будто они божественныя. Неужели это столь великое зло? Не думалъ я этого, теперь безъ вины обмануть и ухожу отсюда бѣднякомъ; видитъ то праведный Панъ. Недавно напорочила мнѣ все это, каркая съ древняго дуба, болтливая ворона, да неодолимое любостяжаніе ²⁾ помѣшало уразумѣть вѣщаніе и увлекло на злокозненныя поля ³⁾. Не такъ пѣлъ здѣсь когда-то Коридонъ, подъ сѣнью лавра, когда былъ славенъ въ привольныхъ лѣсахъ! — Не

1) Сл. выше стр. 483, прим. 5.

2) *Diga cupido.*

3) *Dubios. . . compos.*

знаешь ты будто Коридона, не знакома тебѣ его свирѣль, на которой онъ умильно напѣвалъ вамъ о бесплодной любви ¹⁾? Слышалъ я, какіе жалкіе ²⁾ стихи и звуки у него выходили, когда онъ разставлялъ ³⁾ силки въ поляхъ.—Но что-же мнѣ предпринять, Дамонъ? Бѣжать! Лучше жить въ бѣдной хатѣ, на лѣсистой глуши Парразія, и пусть стадо лижетъ скалы Ликея, чѣмъ обладать тучнымъ полемъ на стимфальскихъ равнинахъ. Пѣлъ со мною, подъ малымъ кровомъ ⁴⁾ безопасный ⁵⁾ Амвклъ, станетъ пѣть великій Сильванъ (Петрарка), онъ утишитъ расхолодившуюся жолчь и неразумную Діону (любовь).—Такъ будетъ лучше, говоритъ Дамонъ; недавно, когда я купалъ свое стадо, вода закрутилась водоворотами; быть бѣдѣ, сказалъ я себѣ, падетъ Мидасъ, Луписка станетъ собирать жолуди и травы.—Есть у насъ въ сторонѣ цвѣтуція поля ⁶⁾, пещера любезная нимфамъ; тамъ пріятельница Главкисъ уготовить тебѣ ложе изъ свѣжихъ вѣтвей, поднесетъ сотъ меда!—Ступай, я за тобою, и пусть Луписка остается при своихъ поляхъ ⁷⁾!

Настроение VIII-й эклоги то-же, что въ посланіи къ Нелли, только тоны мягче, печальнѣе, нѣтъ острыхъ приливовъ раздраженія и сарказма. Образъ Мидаса-Аччьяйоли намъ знакомъ: онъ ловкій, двуличный проходимецъ, который воспользовался своей связью съ Катериной Валуа, чтобы вмѣшаться въ политику и раздоры анжуйскихъ принцевъ по смерти Роберта ⁸⁾ и открыть себѣ путь къ власти и наживѣ союзомъ Людвига Тарентскаго съ Джюванной; а убійство Андрея еще не отомщено! — Мы уже сказали, что Боккаччо обобщаетъ положеніе, соединяя старое

1) Non fistula nota — Qua steriles vobis blandus contabat amores.

2) Tenues.

3) Laqueos.

4) Rupe sub exigua.

5) Tutus.

6) Florentia rura = Флоренція.

7) Tende igitur, veniam, teneat sua prata Lupisca.

8) Discordes... fratres; с. De Claris Mulieribus, c. 105: intestina regulatorum fratrum dissidia.

съ новымъ, представляя Луписку - Катерину Валуа († 1347) еще въ живыхъ; память о смерти Андрея принадлежитъ къ такимъ-же воспоминаніямъ, но она снова какъ-бы бросаетъ тѣнь на одного изъ гадательныхъ участниковъ переворота, на «львовъ» третьей эклоги¹⁾. Такимъ-то образомъ изъ бѣднаго, неизвѣстнаго флорентинца, пріѣхавшаго въ Неаполь съ однимъ слугою²⁾, путемъ коварства и писанія, Аччьяйоли сталъ великимъ человѣкомъ, возмечтавъ себя чуть не богомъ, Гезіодомъ, меценатомъ; держитъ камень въ утесѣ³⁾; онъ вызвалъ къ себѣ Боккаччьо, и Боккаччьо поддался любостыжанію⁴⁾, забывъ осторожность, но онъ не былъ въ состояніи обратить тернія въ лавръ, воспѣтъ недостойнаго, то-есть Аччьяйоли⁵⁾. Въ этомъ его вина—и причина разрыва.

Восьмая эклога написана въ первые мѣсяцы неаполитанскаго пребыванія Боккаччьо и въ началѣ его разочарованій. 29-го мая 1362-го года скончался король Людовикъ, а эклога ничего не говоритъ о томъ; разумѣется, съ точки зрѣнія композиціи эклоги, обнимающей раздѣленное временемъ, это не хронологическое показаніе; доказателенъ здѣсь образъ Дамона. Это, несомнѣнно, Нелли, который не разъ бесѣдовалъ съ Боккаччьо о его и своихъ невзгодахъ, вмѣстѣ съ нимъ негодовалъ и также помышлялъ о бѣгствѣ; такъ въ посланіи къ Нелли—и въ эклогѣ, гдѣ Дамонъ говоритъ Патіи: Ступай, я за тобою! Между тѣмъ у Дамона-Нелли не хватило на то характера, или его жалобы на положеніе служилаго литератора были риторической шумихой. Какъ разъ послѣ того, какъ Боккаччьо уѣхалъ изъ Неаполя, Петрарка, по вызову Нелли, написалъ Аччьяйоли письмо, образчикъ паѳоса въ лести, въ которомъ онъ обѣщаль, при случаѣ, воспользоваться, его милостивыми предложеніями⁶⁾. Если у Нелли и могло явиться

1) Сл. выше т. I, стр. 380.

2) Сл. письмо къ Нелли, выше стр. 479.

3) Сл. выше стр. 491, прим. 1.

4) *Diga cupido* VIII-й эклоги.

5) Л. с. и посланіе къ Нелли, сл. выше стр. 479—80, 487.

6) Сл. письмо Нелли № XXVIII у Cochin и Fam. XXIII, 18 (8-го іюня 1362 г.).

желаніе оставить Неаполь, то по вождѣніямъ не свободы, а болѣе спокойнаго мѣста. Онъ самъ въ томъ признается, не скрывая своей слабости. Когда за смертью Заноби да Страда освободилось мѣсто апостольскаго секретаря, Петрарка отклонилъ отъ себя этотъ постъ и предложилъ вмѣсто себя своихъ пріятелей, между прочимъ Нелли ¹⁾. Тотъ преданнѣйше благодарилъ его за память письмомъ изъ Мессины отъ 16-го марта 1362-го года ²⁾; но онъ такъ долго вторилъ за Петраркой, что слѣдуетъ сторониться всего вульгарнаго, презирать мнѣніе толпы ³⁾, такъ откровенно впадалъ въ громовый тонъ, когда дѣло шло объ авиньонскомъ «лабиринтѣ» ⁴⁾; какъ поступитъ онъ теперь? Если ты спросишь меня, какъ я намѣренъ поступить, если мѣсто будетъ мнѣ предложено, сознаюсь откровенно: такъ, какъ нравится толпѣ, пишетъ онъ Петраркѣ. Ему хочется попытаться счастья, хотя, быть можетъ, не для лучшаго ⁵⁾, но такова брѣньность человѣческаго ума и непостоянство воли, что онъ колеблется: воля Христова намѣстника обязываетъ его къ повиновенію и вмѣстѣ пугаетъ трудъ, влечетъ слава и останавливаетъ любовь къ меценату Аччьяйоли. Разлука съ нимъ будетъ мнѣ терзаніемъ ⁶⁾: онъ обращается со мной не какъ господинъ, а какъ другъ; простота его нравовъ, братская благожелательность при сановитости добродѣтелей—все это дѣлаетъ жизнь окружающихъ его счастливой и блаженной. Говорить-ли тебѣ о благоразуміи этого славнаго мужа, о его твердости и разнообразныхъ доблестяхъ, проявляемыхъ имъ дома и на войнѣ? Обо всемъ этомъ зналъ я по молвѣ, но потомъ увидѣлъ собственными глазами въ дѣлахъ, въ которыхъ и на меня пришла большая доля участія ⁷⁾. Если бы

1) Сл. выше стр. 461—2.

2) № XXIX, у Cochin. Двумя днями позже написано письмо Аччьяйоли къ Петраркѣ. Сл. выше стр. 463.

3) Сл. Fam. XII, 4 (къ Нелли); письма Нелли у Cochin, №№ XIX и XXV.

4) Письма Нелли у Cochin, №№ XVIII и XIX.

5) *Etiamsi videam in partem alteram meliora probari.*

6) *Excarnificandus.*

7) *Quorum . . . pars magna fui*, Aen. II, 6.

я захотѣлъ достойно хвалить его, боюсь, я многого бы не досказалъ, затемнилъ бы то, что хотѣлъ освѣтить; авзонійскій берегъ всегда будетъ по праву имъ гордиться и опечалится, его утративъ ¹⁾. Я же намѣренъ кончить это письмо, подсказанное чувствомъ, которое онъ заполонилъ ²⁾.

Все это освѣщаетъ слова Дамона: Ступай, я за тобою! Онъ не поѣхалъ, бѣжалъ лишь Питія-Боккаччо. Онъ могъ быть доволенъ своимъ пріятелемъ, но когда тотъ написалъ ему, по внушенію своего мецената, извѣстное письмо, онъ не выдержалъ и далъ ему острастку. Разрыва между ними не вышло, иначе Боккаччо не сказалъ бы Нелли, что и Петрарра напишетъ ему и пожурить по поводу его роли въ неаполитанскомъ инцидентѣ. У Петрарки, мы это знаемъ, былъ абстрактный культъ дружбы, которой онъ всюду ставилъ алтари; несомнѣнно, въ ней были отгѣнки чувства, уваженія и снисходительности и эстетическое увлеченіе идеаломъ, но безъ нея онъ не могъ обойтись, ему нужны были не только поклонники, но и сочувствующія души; сочувствіе было для него увеличивающей призмой, въ нее и попалъ Нелли. Разумѣется, Петрарка зналъ о невзгодахъ Боккаччо въ Неаполѣ, готовъ былъ, быть можетъ, и пожурить Нелли — и, вмѣстѣ съ тѣмъ, страшно пораженъ его смертию. Еще одного друга не стало, кругомъ него рѣдѣеть; онъ пишетъ о томъ Боккаччо, и его письмо проникнуто тихой грустью чело-вѣка, котораго годы постепенно пріучаютъ къ одиночеству. Изъ его друзей остался въ живыхъ одинъ Боккаччо, и его чувство болѣзненно усилилось страхомъ возможной утраты.

Боккаччо прожилъ въ Венеціи три мѣсяца; въ сентябрѣ 1363-го года онъ былъ во Флоренціи; письмо къ нему Петрарки помѣчено 7-мъ сентябрѣ ³⁾. Я зналъ напередъ, что твое общество будетъ мнѣ любо, но не предполагалъ, что оно принесетъ и

1) *Tristabitur caruisse.*

2) *E plenissimo vararum rerum pectore.*

3) *Sen. III, 1.*

счастье. Въ теченіи немногихъ, къ сожалѣнію, мѣсяцевъ, которые ты провелъ въ моемъ, или лучше, твоёмъ домѣ, судьба дала мнѣ вздохнуть, щадила меня, но лишь только ты отплылъ, она поразила меня неожиданно. — И Петрарка рассказываетъ, какъ часть спустя по отъѣздѣ Боккаччо священникъ, съ которымъ онъ писалъ своему другу Лелію ¹⁾, принесъ ему его собственное письмо — неразпечатаннымъ: Лелій умеръ въ Римѣ ²⁾; затѣмъ пришла вѣсть о смерти Симоида (Нелли) въ Неаполѣ: оба стали жертвою чумы. Такъ-то смерть пошаливаетъ съ нами, другъ мой, пишетъ Петрарка; она учащаетъ удары, дабы, переживая кончину всѣхъ своихъ близкихъ, мы сами умирали дольше и чаще. Пусть творить, что хочетъ, я очерствѣлъ и ничего болѣе не ощущаю; привычное страданіе — не страданіе больше; я скорѣе питаюсь имъ съ какимъ-то дикимъ наслажденіемъ, какъ, бываетъ, иныя животныя живутъ ядомъ. Я сталъ совсѣмъ иной, не тѣ привычки, не тотъ образъ жизни; остался одинъ лишь образъ, старость, веселая и благодушная въ началѣ, заволоклась теперь для меня мрачными тучами. — О, дорогой Лелій! ты былъ для меня дѣйствительно Леліемъ, хотя я не могъ быть тебѣ Сципіономъ. О милый Симоидъ, по праву такъ названный, священникъ и вмѣстѣ поэтъ, ты еще недавно содрогался при мысли, что переживешь меня ³⁾, и вотъ небо вняло не моимъ, а твоимъ молитвамъ. Отчего не поступили они, какъ ты (то-есть Боккаччо), не бѣжали отъ чумы, опустошавшей Римъ и Неаполь, и не поискали у меня вѣрнаго убѣжища вмѣстѣ съ тобой, который былъ имъ товарищемъ по духу? Римлянинъ Лелій поκειται теперь, какъ и слѣдуетъ, въ Римѣ, тѣло Симоида должно было бы принадлежать Флоренціи, но ему, поклоннику музъ,

1) Lello di Pietro Stefano.

2) Изъ письма Петрарки къ Боккаччо отъ 20 сентября 1363 года = Sen. III, 2 оказывается, что Боккаччо зналъ объ этой смерти, но предпочелъ чтобы кто-нибудь другой сообщилъ о томъ Петраркѣ.

3) Сл. Письмо Нелли у Cochin, № XXIX: Quotiens tremo horeoque ne me tibi superstitem audiam.

служить возмездіемъ, что его кости лежатъ близъ гробницы Виргилія. Позже всѣхъ насъ переступилъ онъ за порогъ жизни, раньше другихъ ее покинулъ, и я лишь теперь — таково мое тупоуміе — начинаю понимать, что въ человѣческихъ дѣлахъ нѣтъ никакой прочности.

Но я снова принялся за жалобы; это старая привычка пера; я самъ сдѣлалъ усиліе надъ собой и выработалъ рѣшеніе: одинаково презирать надежду и страхи, радость и печаль. Именно противъ страховъ и печалей намъ надо вооружиться, ибо, благодаря Богу, насъ давно перестали баловать и тревожныя надежды, и избытокъ веселья, все, что возвышаетъ духъ за тѣмъ лишь, чтобы потомъ его низвергнуть.

Возвращусь къ тебѣ и къ нашему Симониду. Изъ товарищей по занятіямъ ты одинъ у меня остался; Симонида нѣтъ, но никогда я не ощущалъ такъ живо его присутствія, какъ теперь. А я надѣялся, что по моей смерти онъ будетъ для моихъ трудовъ тѣмъ же, чѣмъ были Варій и Тукка для Виргилія! Но небо рѣшило иначе, и мы обязаны позаботиться о его неоконченныхъ писаніяхъ и посланіяхъ. Раздѣлимъ трудъ, каждому по его способностямъ, пришли мнѣ мою долю, и, хотя и у меня есть своя рабочая ноша, я обѣщаю свое содѣйствіе.

Я хотѣлъ посвятить Симониду всѣ мои письма ¹⁾, какія написалъ по смерти моего Сократа ²⁾, и сдержу это обѣщаніе. Чувствую, что я зажился; я хотѣлъ жить, но не одинъ, а съ старыми, испытанными друзьями; вскорѣ я буду безъ друзей (печальная жизнь, недостойная человѣка!), или обреченъ заводить новыя отношенія, чтò и трудно и полно сомнѣній.

Петрарка припоминаетъ, чего стоила ему эпидемія чумы, начиная съ 1348-го года. Въ 1361-мъ году умеръ его сынъ, въ слѣдующемъ его «лучшій другъ», Аццо ди Корреджьо; въ 1363-мъ чума страшно опустошила многіе города, особенно

1) Senilia.

2) Luigi di Campinia.

Флоренцію; астрологи видятъ тому причину въ какомъ-то роковомъ сочетаніи созвѣздій, вліяніе котораго будетъ продолжаться до 1365-го года. Тутъ Петрарка пускается въ пространныя обличенія астрологій и астрологовъ, къ которымъ у Боккаччо была тайная слабость: чума не отъ звѣздъ, а отъ Божьяго гнѣва; людямъ надо исправиться; это, разумѣется, не мѣшаетъ имъ беречься. Петрарка благодаритъ Провидѣніе, внушившее Боккаччо мысль покинуть Неаполь и миновать Флоренцію, хотя оба города еще были тогда свободны отъ чумы¹⁾; объ одномъ онъ жалѣетъ, что его другъ такъ скоро его покинулъ; онъ не оскорбленъ, что, какъ бывало и прежде, Боккаччо предпочелъ ему Флоренцію, но такъ какъ у дружбы уши чутки, какъ у кабана, хотя и не всегда глаза рысьи, а Петрарка слышалъ, что во Флоренціи не все еще спокойно, онъ проситъ пріятеля, ради него самого, вернуться. Успокой меня, пишетъ онъ ему; ты не знаешь, что ты сталъ мнѣ теперь дороже, чѣмъ когда либо. И знаешь-ли почему? Потому, что ты рѣдкость, а у кого одинъ лишь глазъ, тотъ дорожить зрѣніемъ. Изъ старыхъ друзей ты остался у меня одинъ; о нашемъ Барбатѣ²⁾ не знаю, что и подумать, все-ли онъ еще среди пелигновъ и бруціевъ. Приди-же, тебя ожидаютъ: время года самое благоприятное, никакихъ заботъ, кромѣ пріятныхъ занятій съ музами; жилище здоровое; я описалъ бы его тебѣ, еслибъ оно не было тебѣ знакомо. Лучшаго общества и желать нельзя: во первыхъ канцлеръ Венеціи Бенинтенди («благонастроенный»), имя котораго отвѣчаетъ его дѣятельности, ибо онъ преданъ и общественному дѣлу, и друзьямъ и благороднымъ занятіямъ³⁾. Ты самъ недавно испыталъ прелесть его вечернихъ посѣщеній, когда, освободившись отъ дневныхъ заботъ, онъ пріѣзжалъ къ намъ въ своей гондолѣ, веселый, пріятливый. Какъ хороши ночныя прогулки по морю, откровенныя, за просто, бесѣды съ такимъ человѣкомъ!

1) Сл. однако письмо къ Нелли, выше стр. 463, 468.

2) Сл. выше т. I, стр. 99 слѣд.

3) Сл. выше стр. 82.

Ты встрѣтишь здѣсь и нашего Доната съ Апеннинъ¹⁾, покинувъ тосканскія горы, онъ давно живетъ въ Венеціи; онъ нашъ, ибо намъ преданъ²⁾, а имя и профессію унаслѣдовалъ отъ стараго Доната (грамматика, учителя св. Іеронима). Нѣтъ его милѣе, простодушнѣе, привязаннѣе къ намъ обоимъ, особенно къ тебѣ³⁾. Другихъ не называю. Я никогда не былъ поклонникомъ полнаго, дикаго уединенія, не понимаю Беллерофонта, который снѣдалъ свое сердце, избѣгая людей; я много говорилъ объ этомъ въ моей «Уединенной жизни»; но я всегда былъ того мнѣнія, что мудрому, ученому челоуѣку необходимо общество немногихъ, ибо онъ приучился, въ случаѣ нужды, самъ быть себѣ товарищемъ и совопросникомъ. Еслибъ время и осенняя непогода возбудили въ тебѣ подозрѣнія, хотя ничто такъ не проясняетъ воздухъ, какъ веселія лица и желанныя бесѣды друзей, ты былъ-бы мнѣ товарищемъ и руководителемъ въ другомъ убѣжищѣ, можетъ быть, не безъ пользы, во всякомъ случаѣ, не безъ удовольствія. Мы поѣдемъ въ Капо д'Истрія⁴⁾ и въ Триэсть, гдѣ, какъ мнѣ пишутъ, погода прекрасная; во всякомъ случаѣ посѣтимъ, о чемъ я давно мечталъ, источникъ Тимава, воспѣтый поэтами, но неизвѣстный даже ученымъ людямъ; посѣтимъ его не тамъ, гдѣ его ищутъ, введенные въ заблужденіе Луканомъ, въ окрестностяхъ Падуи, а, вмѣстѣ съ достовѣрнѣйшими космографами, въ области Аквилей, гдѣ, вырвавшись изъ горы девятью истоками, съ грохотомъ, точно бурное море, онъ наводняетъ поля своими шумными волнами⁵⁾. Прощай.

Письмо это Петрарка не отправилъ тотчасъ-же, не по лѣни, а потому, что боялся даромъ потерять трудъ: какъ бы и это письмо не вернулось къ нему нераспечатаннымъ, какъ письма къ

1) Apennigena.

2) Nobis se donante.

3) Purius . . . nec notius tibi; с. Sen. V, 2: nihil tui amantius, nihilque devotius. О Донато с. выше стр. 60, 107, 211, 431.

4) Justinopolis.

5) Aen. I, 245—6.

Делію и Симиониду, и по той-же причинѣ. Я и Донатъ беспокоюся о тебѣ, не случилось ли и съ тобой того-же, пишетъ онъ Боккаччо 20-го сентября, иначе ты не оставилъ бы насъ въ неизвѣстности и тревогѣ. Если ты живъ, тебѣ нѣтъ извиненія, если, напротивъ, всякая надежда потеряна, какъ говоритъ *Виргилій* ¹⁾, у тебя есть оправданіе, счастливое для тебя, плачевное для насъ. Итакъ будь здоровъ, и надолго, коли ты въ живыхъ; если тебя нѣтъ, прощай на вѣки ²⁾.

III.

Боккаччо молчалъ, переживая впечатлѣнія неаполитанской поѣздки, отъ которыхъ не освободили его ни дружескій пріемъ Петрарки, ни веселія и умныя бесѣды въ гондолѣ канцлера Бенинтенди. Въ концѣ 1363-го года и весь слѣдующій годъ онъ живетъ въ Чертальдо: флорентійскіе порядки ему опротивѣли, онъ видитъ все въ черномъ свѣтѣ, да и въ матеріальномъ отношеніи въ Чертальдо ему легче было существовать; но это не та желанная бѣдность, о которой онъ мечталъ, какъ о спутницѣ поэтическаго *otium*'а. Онъ упалъ духомъ; изъ тысячи человѣкъ ты единственный, который увлекается при оцѣнкѣ своихъ собственныхъ трудовъ не любовью, а презрѣніемъ и ненавистью, писалъ ему Петрарка 28-го августа 1364-го года ³⁾, укоряя его не въ скромности, а въ гордости. До Петрарки дошли слухи, что бѣдные поэты-сказители, жившіе плодами чужой музыки, встрѣчаютъ у Боккаччо всегда отказъ, потому что онъ сжегъ свои итальянскіе стихотворенія. Къ чему это? Одни объясняли, что онъ будто-бы собрался ихъ переработать въ болѣе серьезномъ, зрѣломъ стилѣ ⁴⁾. Но что хотятъ передѣлать, того не

1) Aen. I, 555: *sin absumta salus.*

2) Sen. III, 2.

3) Sen. V, 2; см. выше стр. 128, 365 прим. 2.

4) Ut.... *praesenti solido et jam cano ingenio reformares.*